



*Моей жене Натали*

*Никаких слов не хватит,  
чтобы выразить мою благодарность*

# СОДЕРЖАНИЕ

Введение. . . . .	6
Эй, Док, не хотите со мной порыбачить? . . . . .	11
Герои живут среди нас. . . . .	18
Хорошие новости, плохие новости. . . . .	26
Нарочно не придумаешь . . . . .	33
Такая возможность выпадает не каждый день	
Часть I. . . . .	42
Вы же сказали, что ваша собака не опасна! . . . . .	50
Наследственность и рак. . . . .	57
Я же говорил! . . . . .	66
Пятилетний рубеж выживаемости . . . . .	72
Такая возможность выпадает не каждый день	
Часть II . . . . .	79
Последний вздох . . . . .	87
Мистер Лобстер . . . . .	97
Есть ли какие-нибудь варианты? . . . . .	108
Просто действуй! . . . . .	115

Доброе утро! .....	124
Борец .....	133
Матершинница .....	144
Фотограф .....	154
Фермер .....	163
Это нечестно .....	174
Нью-Йорк как состояние души .....	186
О, счастливец? .....	196
Пловец .....	208
Без осложнений не обходится .....	218
Гольфист .....	233
Человек на миллион .....	243
Интереснейший случай .....	256
Лови волну .....	266
Это слишком реально .....	277
Будь как пес .....	287
Благодарности .....	296
Указатель .....	301
Об авторе .....	315

# ВВЕДЕНИЕ

Мои родители — коренные жители Нью-Мексико. Мать родилась в Таосе, а отец — в Альбукерке. Они появились на свет во время Великой депрессии, за несколько лет до начала Второй мировой войны. В то время людей в Нью-Мексико жило немногим больше, чем койотов.

В отличие от остальных членов моей огромной семьи, я родился за пределами Нью-Мексико и Колорадо, в Техасе. Отец играл там в бейсбольной команде, которая принимала участие в турнире низшей лиги. Будучи шести недель отроду, я переехал в Нью-Мексико вместе с родителями, поэтому я совсем не помню себя техасцем. Тем не менее дедушка по материнской линии всегда называл меня Тех. Не то чтобы это считалось нежным прозвищем.

В 1960–1970-х годах Нью-Мексико был отличным местом для подростка. Нам с братом иногда разрешали смо-

треть телевизор, но моим главным увлечением оказались книги. Я любил читать. Это хобби всегда обеспечивало меня приключениями, образовывало и развивало воображение. Я в равной степени был готов поглощать со страниц и факты, и вымысел. Чтение позволяло мне познавать мир, не выезжая за пределы своего штата. Учителя понимали, что меня нужно загружать под завязку, чтобы я не болтал попусту с соседями по парте, закончив очередное задание. Поэтому они давали мне все новые и новые книги, требуя взамен их письменное изложение.

Вместе с друзьями и братом мы бродили по холмам и высохшим руслам рек у подножия гор Сандия в Альбуркерке. Мы играли в бейсбол, футбол, баскетбол или придумывали игры на ходу. Эти годы моей жизни смело можно назвать золотыми.

Я осознал, что Нью-Мексико отличается от других штатов по географическому расположению, климату и даже по культурным особенностям уже в колледже, куда из всей моей семьи решил поступать один я. При подаче заявлений на поступление в медицинские школы в качестве места проживания я указывал домашний адрес родителей. Я разослал письма примерно в 40 университетов по всей территории США с просьбой предоставить информацию о программах обучения и процедуре поступления. Мне пришли соответствующие брошюры от всех учебных заведений, кроме Центра медицинских наук университета Оклахомы (напомню, что Оклахома граничит с северо-восточной частью Нью-Мексико, технически — это соседние штаты). Я получил личное письмо от декана университета. Он поблагодарил меня за проявленный

Стивен А. Кёрли  
*В моих руках*

интерес, а затем выразил свои сожаления в связи с тем, что университет Оклахомы не принимает заявки от иностранных студентов.

Я продемонстрировал это письмо нескольким своим друзьям, в том числе одному политологу. Мы посмеялись и решили показать его профессору факультета политологии. Тот оказался отставным сенатором штата Оклахома. Вместо того чтобы посмеяться вместе с нами, он возмутился, позвонил декану университета и коротко, но емко объяснил ему географию Соединенных Штатов Америки. В итоге декан попросил меня повторно подать заявление в медицинскую школу при Университете Оклахомы.

Ну уж нет, решил я.

Я охотно читаю любые истории, независимо от того, где и кем они были написаны. Мне до сих пор нравится постигать что-то новое и изучать неизведанное, подключая при этом фантазию и воображение. Работая хирургом-онкологом, я смог позволить себе посетить сотни мест, о которых только мечтал в детстве. Я видел египетские пирамиды, Колизей, Великую Китайскую стену и десятки других чудес, возведенных руками человека или созданных природой. Моя нога побывала на всех континентах, кроме Антарктиды (она все еще в планах).

Я искренне восхищаюсь своим земляком — Эрни Пайлом. Этот журналист прославился во времена Второй мировой войны. Он получил Пулитцеровскую премию за свои рассказы об обычных, никому не известных людях и о простых солдатах. Его яркие и четкие словесные картины до сих пор способны пробудить в читателе самые сильные эмоции. К сожалению, сам Эрни Пайл был убит

в ходе захвата острова Иэ в апреле 1945 года, прямо перед вторжением войск на Окинаву.

Я, конечно, не Эрни Пайл, но тоже хочу рассказать об обычных пациентах и их реальных ситуациях, поделиться с вами историями, которые меня вдохновили. Таким образом я надеюсь помочь и другим онкологическим больным, чтобы они смогли преодолеть свой страх и неуверенность. Не все истории заканчиваются хорошо, но пациенты должны знать, что они не единственные, кто оказался в такой непростой ситуации. Надеюсь, в этом можно найти толику сочувствия и утешения. Из соображений конфиденциальности я не могу назвать настоящие имена героев, но все они — реальные люди, которые показали свои лучшие качества и стали примером для меня и моих коллег. На разглашение всей личной информации я получил письменные разрешения от самих пациентов или от их семей.

В 1971 году президент Ричард Никсон объявил «войну раку», и в том же году Конгресс принял Национальный закон о злокачественных опухолях. Эта война, безусловно, оказалась самым затяжным и самым дорогостоящим конфликтом в истории США. Список пострадавших от рака и от наших методов лечения бесконечен. Социально-экономическое бремя злокачественных опухолей ошеломляет. Невозможно описать словами, как рак влияет на самих пациентов, их семьи, друзей и коллег. После установления подобного диагноза пациенты не могут вернуться ни к привычному рабочему ритму, ни к нормальному образу жизни, страдает их финансовый и эмоциональный комфорт. Нельзя до конца понять, как чувствуют



Стивен А. Кёрли  
*В моих руках*

себя больные и их близкие люди после такой новости. А иногда наступает момент, когда смерть от прогрессирующего и неизлечимого заболевания становится неизбежной.

Однако игнорировать эту войну нельзя. Иногда мы выигрываем незначительные битвы, а периодически — одерживаем крупные победы. Тем не менее враг все еще силен, и цена, которую мы платим, непомерно высока. Эти истории — рапорт с передовой хирурга-онколога. Я имел честь заботиться о замечательных людях и считаю это подарком судьбы.

Моя цель — поделиться бесценным опытом и отдать дань уважения всем своим пациентам, членам их семей, друзьям, знакомым и людям, сталкивающимся с онкологией. Я бесконечно уважаю вас всех.

Мы не сдаемся!

# ЭЙ, ДОК, НЕ ХОТИТЕ СО МНОЙ ПОРЫБАЧИТЬ?

*Надежда дает возможность  
увидеть свет даже в крошечной тьме.*

*Епископ Десмонд Туту*

**Надежда:** ожидание и уверенность в осуществлении желаемого.

История каждого из пациентов может нас чему-то научить. Одни напоминают, как важно поддерживать баланс и гармонию во всех сферах жизни: в семье, на работе и в досуге. Другие, и их большинство, демонстрируют невероятную силу духа перед лицом болезни и предстоящим лечением. Услышав печальную новость, пациенты и их близкие часто начинают о чем-то сожалеть: «Я должен был проводить больше времени с детьми», «Хотел бы я сказать отцу (матери, брату, сестре, ребенку...), что люблю его, до того, как он умер» и «Я провел всю свою жизнь на работе». Постоянно слушая эти предсказуемые, но искренние раскаяния, я понял, что не хочу жалеть о сделанном, а еще меньше — об упущенном.

Стивен А. Кёрли  
*В моих руках*

На заре карьеры мне посчастливилось получить от одного из моих пациентов крайне важный урок. Больной попал в клинику, когда я только начал там работать в качестве ассистирующего профессора, сразу после окончания ординатуры по хирургической онкологии. Этот 69-летний мужчина оказался баптистским священником из маленького городка в Миссисипи. Его направил ко мне онколог-терапевт. Врач позвонил мне со словами: «Я не думаю, что вы можете что-то сделать для больного, но он все равно хочет услышать мнение хирурга». У этого пациента был рак толстой кишки, который метастазировал в печень. Само злокачественное новообразование было удалено год назад, и больной проходил курс химиотерапии по поводу крупных метастазов. К сожалению, препараты оказались неэффективны. Онколог-терапевт сказал пациенту, что тому осталось жить не более полугода, и, поскольку священник был заядлым рыбаком, доктор посоветовал ему как следует порыбачить напоследок.

Я получил два бесценных урока от больного и его жены. Во-первых, никогда не отнимайте у человека надежду, даже если с медицинской точки зрения ситуация кажется безнадежной. Во-вторых, как сказал этот пациент, помните: «хоть некоторые врачи и считают себя богами, ни один из них не Господь».

Когда я впервые увидел священника, он сидел на столе в стандартном сине-белом больничном халате. Пациент едва поднял на меня свой безжизненный пустой взгляд и почти сразу отвел глаза. На мои вопросы он отвечал монотонным и тихим голосом. Несколько раз мне даже приходилось попросить больного говорить громче. Где-то

Эй, Док, не хотите со мной порыбачить?

в середине нашей первой встречи его жена сказала мне, что он очень подавлен из-за безысходности ситуации. Она также сообщила, игнорируя его предупреждающий взгляд, что муж хорошо ест, но совсем не двигается. Большую часть времени он сидит в кресле или лежит в кровати. Женщина считала, что активный, общительный человек с острым умом и громким голосом, за которого она выходила замуж, словно уже умер.

После сбора анамнеза и осмотра я вышел за результатами анализов и компьютерной томографии (КТ). Когда я вернулся, больной уже был одет и сидел на стуле рядом с женой. Я сказал, что считаю возможным выполнить сложную операцию, которая будет заключаться в удалении примерно 80 % его печени. Такое вмешательство крайне рискованное, и, вероятно, пациенту потребуется переливание крови. В худшем случае, если я удалю слишком много нормальной ткани печени, оставшаяся часть не будет функционировать, и после операции может развиться смертельно опасная печеночная недостаточность. Более того, я предупредил, что даже если пациент переживет саму операцию и последующий период восстановления, не факт, что после этого опухоль не рецидивирует. Гарантировать долгую и счастливую жизнь больному в данном случае было неразумно. Я даже прибегнул к метафоре: «После этой операции печени у вас останется чуть больше, чем на сребреник, но, даст Бог, этого хватит!»

По окончании моего монолога пациент поднял глаза и снова встретился со мной взглядом. Увидев, как они изменился, я удивленно заморгал. Его взгляд заблестел

Стивен А. Кёрли  
*В моих руках*

и наполнился жизнью. Он спросил: «Вы считаете, что надежда есть?» Я ответил, что надежда есть всегда, пусть и небольшая. Больной буквально на глазах стал другим человеком, и его жена улыбнулась мне: «Он вернулся».

Воспрявший духом священник выпрямился, схватил меня за руку и произнес то, что я не забуду до конца жизни: «Никогда не отбирайте у людей надежду, доктор, в какой бы безнадежной ситуации они ни оказались. Только она может победить депрессию, отчаяние и смерть. Как Вы думаете, почему защитники Масады так долго продержались против превосходящих их по численности римлян? Потому что они надеялись и верили. Почему люди соглашались на операцию? Надежда. Никогда не отказывайте в ней больным, доктор. Без надежды все мы всего лишь говорящие животные».

Этот священник из Миссисипи был сильным оратором. Будучи простым и открытым человеком, в беседе он демонстрировал свою эрудированность, образованность и богатый словарный запас. Нередко после наших разговоров я искал в словаре пару-тройку слов. Периодически мое воображение живо рисовало картину, как пациент проповедует с кафедры в своей баптистской церкви, то грозя прихожанам вечными муками ада, то обещая им искупление и спасение души.

Вдохновленный, я попрощался с этой семьей и назначил больному операцию сразу на следующей неделе. Внезапное преображение священника буквально ошеломило меня. Как и многие врачи, имеющие дело с онкологическими больными, я видел, как пациенты впадали в полное отчаяние, а затем медленно угасали. Это полностью соответствовало прогнозам докторов, которые

Эй, Док, не хотите со мной порыбачить?

давали таким больным не более нескольких месяцев. Иногда я видел, как пациенты умирают гораздо раньше предполагаемого срока, безвольно погрузившись в пучину темноты и отчаяния.

Слова священника звучали в моей голове всю операцию. Как я и ожидал, вмешательство оказалось крайне сложным. В печени этого крепко сложенного гиперстеника сидело четыре больших метастаза. Все они изначально находились в правой доле, но два из них уже проросли и в левую. Один из метастазов распространился вниз, на две из трех крупных вен, кровь по которым поступает из печени в нижнюю полую вену — крупный сосуд, идущий к сердцу. Чтобы полностью удалить опухоль из этих двух вен, я заменил часть стенки нижней поллой вены заплатой из другого сосуда. Это был хирургический «Тур де Франс», и когда он закончился, мы с ассистентом едва смогли поздравить друг друга с проделанной колоссальной работой. Тем не менее признаю, что у меня закрадывались сомнения. Несмотря на технически правильно проведенную операцию, я не верил, что мы вылечили этого пациента. Я был обеспокоен возможностью рецидива новообразования.

«Никогда не отбирайте у людей надежду, доктор». Из меня бы получился никчемный предсказатель будущего. Я оказался совершенно неправ. Рак был побежден. Священник провел всего одну неделю в больнице, и его печень прекрасно восстановилась. Первые 5 лет он возвращался ко мне каждые 3–6 месяцев, сдавал анализы и выполнял компьютерную томографию, чтобы исключить рецидив опухоли. В течение следующих 6 лет я видел его